

Таким образом, нельзя не согласиться с Н.Б.Патрикеевым и другими исследователями в том, что включение Зауралья в состав Российского государства содействовало пополнению государственной казны, причем существенно. В 1660 г. казна получала с сибирских земель свыше 600 тыс. рублей дохода, что составляло около одной трети доходной части российского государственного бюджета.

1. Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000. С.5.
2. Копылов А.Н. К вопросу о принципе ясачного обложения и порядке сбора ясака в Сибири // Известия СО АН СССР. Серия общ. наук. 1969. № 1. С.93.
3. Там же. С.79.
4. Миллер Г.Ф. Описание Сибирского Царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. М.,1998. Кн.1. С.217.

Сабурова Т.А.

Становление и особенности исторического сознания русской интеллигенции XIX в.

Исторические представления входят в комплекс более широких представлений о мире, составляя часть картины мира человека и общества, существуя в тесной взаимосвязи с представлениями о времени и пространстве. Изучение тех или иных исторических представлений как части картины мира особенно значимо для понимания поведения человека, выработки определенного стиля поведения и механизма принятия решений. С историческими представлениями человека, общества, эпохи, или историческим сознанием тесно связаны представления о времени или о триаде «прошлое-настоящее-будущее». Термин «историческое сознание» полисемантичен, и может использоваться как для качественной характеристики общественного сознания, достижения определенного уровня исторических представлений, связанных с утверждением принципа историзма (в отличие от социальной памяти), так и для выделения особого рода представлений в общественном сознании, являющихся базой для развития исторической мысли и исторической науки.

Историческое сознание как форма общественного сознания имеет свою структуру. Возможно выделение следующих уровней исторического сознания: обыденное и научное, массовое и элитарное. Критерием в этом случае служит уровень и способ осмысления исторического прошлого, а также взаимосвязи прошлого, настоящего, будущего, степень распространения исторических знаний, способность к их обновлению. Следует отметить не просто сосуществование этих уровней исторического сознания, а их тесное взаимодействие и взаимопроникновение.

Носителем элитарного исторического сознания, а, начиная с эпохи Просвещения, и научного исторического сознания, становится интеллигенция. При этом в историческом сознании интеллигенции сохраняются как черты традиционных темпоральных представлений, так и происходит

распространение утилитарно-либеральных представлений о прошлом, настоящем и будущем в их взаимосвязи. Специфика исторического сознания русской интеллигенции заключается в том, что в модели мира русской интеллигенции сосуществуют различные элементы, определяя ее дуализм, и, соответственно, дуализм исторического сознания. Интеллигенция как феномен культуры ярко отражает, воспроизводит все основные черты русской культуры, и в том числе базовое явление социокультурного раскола.

В рамках семиотического подхода основой для изучения исторического сознания интеллигенции может служить выделение двух моделей исторического сознания – космологической и исторической. Такого рода модели характеризуются высоким уровнем обобщения, условности, являясь идеальным типом, необходимым для исследования всего разнообразия реальных исторических представлений. Эти модели отражают соответствующий способ восприятия времени, семиотическое восприятие прошлого, настоящего и будущего. «Историческое и космологическое сознание, может быть, не исчерпывают всех возможностей восприятия прошлого, но они могут быть представлены как антитетически противоположные» (1). По мнению Б.А. Успенского, космологическое сознание характеризуется соотношением событий с каким-то первоначальным, исходным состоянием, когда ценность прошлого задает оценку настоящего, настоящее мыслится как следствие прошлого, будущее предполагается существующим, причем как своеобразное воплощение прошлого. Напротив, историческое сознание характеризуется ориентацией на будущее, когда события прошлого выстраиваются в причинно-следственный ряд, настоящее представляется причиной будущего, а не следствием прошлого, следовательно, будущее не мыслится predetermined и уже существующим. Историческому сознанию свойственно линейное восприятие времени, восприятие истории как цепи последовательных событий, идея эволюции. «В жизни человека или коллектива могут одновременно присутствовать обе модели, когда актуализируется то один, то другой принцип восприятия: одни и те же события могут соотноситься как с космологическим прошлым, так и с историческим будущим – та или другая ориентация определяет при этом разный тип семиозиса» (2).

В историческом сознании русской интеллигенции XIX в. одновременно существуют космологическая и историческая модели восприятия времени, что определяет не только отношение к прошлому, но и оценку событий, происходящих в настоящем. При этом историческая модель восприятия времени только начинает утверждаться в историческом сознании русской интеллигенции. Историческое сознание интеллигенции постепенно становится «историческим», так как в исторической мысли распространяются принципы историзма, и можно с уверенностью говорить о становлении исторической науки как особой отрасли знания. При-

чем в середине XIX в. в России наблюдается тот же всплеск интереса к историческому прошлому, как и в начале века. Но в начале XIX в. основными факторами формирования и активизации исторического сознания в России стали усвоение классического наследия европейской культуры (античный компонент), Отечественная война 1812 года, появление «Истории Государства Российского» Н.М. Карамзина, к середине же XIX в. на историческое сознание русской интеллигенции серьезное влияние оказали европейские революции, немецкая классическая философия, достижения исторической науки (русской и зарубежной), формирующаяся система исторического образования.

Важность вопросов исторических для русского общества характеризует факт широкого обсуждения появляющихся исторических сочинений, которые оцениваются как с точки зрения литературы, так и философии, так или иначе, но обязательно сравниваются с трудом Н.М. Карамзина. В процессе формирования представлений русского общества о своем прошлом, а также о способах описания этого прошлого, Карамзин стал не просто точкой отсчета, а своеобразным эталоном. Деятели русской исторической науки и исторической мысли XIX в. находятся с Карамзиным в постоянном диалоге. К 1830-м гг. идея истории как литературы начинает вытесняться идеей истории как философии, на смену истории событий приходит история процесса. Связь прошлого, настоящего и будущего как звеньев одной цепи, составляющих одного целостного процесса, прочно утверждается в историческом сознании.

Постепенно созревают требования к исторической науке в плане раскрытия смысла исторического процесса и соответственно нового объекта исторического исследования. Попытку реализации подобных ожиданий мы видим в «Истории русского народа» Н.А. Полевого.

Прагматизм как одно из главных требований к историческим исследованиям сохраняет свое значение в русском обществе второй четверти XIX в., причем воспринимается как требование перспективное, не реализованное отечественной исторической мыслью, что обусловлено уровнем и условиями развития научного сообщества в России. «Устрялов, профессор русской истории, защищал свою диссертацию «О возможности прагматической русской истории в нынешнее время». Странная задача: прагматическая история в наше время, при нынешней цензуре и источниках, не очищенных и не разработанных критически, - да разве это мыслимо?» (3). Античным прагматизмом наполнены и размышления об истории в «Философическом письме» П.Я. Чаадаева, появившемся в том же 1836 г., что и диссертация Устрялова. Негативная оценка исторического прошлого России, фактическое его отрицание, приводит к выводу о необходимости повторить у себя все воспитание человеческого рода, учесть уроки истории цивилизованных народов. «Что такое жизнь человека, говорит Цицерон, если память о прошлых событиях не связывает настоя-

щего с прошедшим! Мы же, придя в мир, подобно незаконным детям, без наследства, без связи с людьми, жившими на земле раньше нас, мы не храним в наших сердцах ничего из тех уроков, которые предшествовали нашему собственному существованию» (4).

Утверждение важности и ценности прошлого как объяснения настоящего подчеркивает важность и ценность исторических знаний, необходимость обращения к истории. «Обратимся еще раз к истории: она – ключ к пониманию народов» (5). В историософских размышлениях П.Я. Чаадаева мы ясно видим совмещение космологической и исторической моделей восприятия времени, двойственное восприятие отечественного прошлого, преобладание космологических элементов. В тоже время понимание истории как процесса, идея исторического развития, соединение прошлого, настоящего и будущего, все это показывает формирование исторического сознания русского общества, и, прежде всего, русской интеллигенции.

В середине XIX в. очень четко прослеживается влияние исторической науки на историческую мысль, исторической мысли на исторические представления общества. «Для обществ как будто исчезло различие между прошедшим, настоящим и будущим: общества равно живут теперь во всех трех этих отношениях времени, - и настоящее для них есть результат прошедшего, на основании которого должно осуществиться и их будущее. Прогресс и движение сделались теперь словами ежедневными. Новизна никого не пугает; предела усовершенствованиям никто не видит. ... Какая же причина этого скорого движения? – Созревшее историческое сознание вследствие успеха, в последнее время, истории как науки» (6).

В то же время не только элитарное историческое сознание оказывает воздействие на историческое сознание массовое, но обращение к тем или иным проблемам исторического прошлого во многом обусловлено общественным интересом, актуальностью их для современного общества. Этот диалог массового и элитарного исторического сознания происходит, прежде всего, в сфере исторической мысли, которая приобретает ярко выраженное общественно-политическое звучание, являясь составной частью общественно-политической мысли России. Представители различных идейных течений искали и находили в историческом прошлом подтверждение своих теоретических построений, анализа настоящего и предвидения будущего. Именно признанием ценности прошлого для настоящего и будущего вызвана острота споров между западниками и славянофилами, так определяя прошлое в качестве ключа к настоящему, они расходились в качественной оценке отечественного прошлого, что предопределяло различие в оценках настоящего и определении перспектив исторического развития России. Спор западников и славянофилов можно определить как столкновение двух моделей восприятия времени, двух типов исторического сознания. Для славянофилов приоритетно

прошлое как текст, неверно прочитанный в настоящем, но воплощенный в будущем, для западников же настоящее выступает не только как следствие прошлого, но и причина будущего.

Налицо также взаимовлияние темпоральных и пространственных представлений. Негативная оценка прошлого России сочетается с позитивной оценкой западноевропейского пространства, и соответственно, позитивная оценка отечественного прошлого сочетается с негативной оценкой западноевропейского пространства. Сторонники особенностей русского исторического прошлого, исторического своеобразия Древней Руси, противопоставленного западноевропейской истории, видели самобытность России в настоящем и особый исторический путь в будущем. Причем настоящее не только истолковывалось через прошлое, но и будущее виделось как своеобразное возвращение к прошлому, или точнее, его продолжение. «Нам стыдно бы было не перегнуть Запада. Англичане, французы, немцы не имеют ничего хорошего за собою. Чем дальше они оглядываются, тем хуже и безнравственнее представляется им общество. Наша древность представляет нам пример и начала всего доброго в жизни частной, в судопроизводстве, в отношении людей между собою; но все это было подавлено, уничтожено отсутствием государственного начала, раздорами внутренними, игом внешних врагов. Западным людям приходится все прежнее отстранять, как дурное, и все хорошее в себе создавать; нам довольно воскресить, уяснить старое, привести его в сознание и жизнь» (7).

Сторонники общего исторического прошлого России и Запада, утверждали идею общности их настоящего и соответственно, будущего. Настоящее истолковывалось не только через прошлое, но и через будущее, причем будущее виделось как развитие настоящего, его обогащение. Эти темпоральные представления, характерные для западников, можно определить как утилитарно-либеральные, или «исторические» в плане восприятия времени. Идея закономерности исторического процесса получает широкое распространение, а сам исторический процесс понимается как движение в определенном направлении.

Таким образом, в историческом сознании русской интеллигенции к середине XIX века налицо сосуществование космологической и исторической моделей восприятия времени, традиционных и утилитарно-либеральных элементов. Дуализм темпоральных представлений, составляющих ядро модели мира, определяет их неустойчивость и периодическую возможную актуализацию противоположных элементов.

1. Успенский Б.А. Эпюды о русской истории. СПб., 2002. С. 26.

2. Там же. С. 29.

3. Никитенко А.В. Дневник. М., 1955. Т. 1. С. 189.

4. Чаадаев П.Я. Философические письма, адресованные даме. Письмо первое // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников. М., 1989. С. 124.

5. Чаадаев П.Я. Философические письма, адресованные даме. Письмо первое // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников. М., 1989. С. 128.
6. Белинский В.Г. Руководство к всеобщей истории // Белинский В.Г. Собрание сочинений в 9 томах. М., 1979. Т. 4. С. 392.
7. Хомяков А.С. О старом и новом // Хомяков А.С. Сочинения в 2 томах. М., 1994. Т. 1. С. 463.

Сазыкина О.П.

Кризисы в отечественной исторической науке (XIX –XX вв.)

Последние десятилетия XX столетия войдут в анналы отечественной науки как время весьма насыщенное противоречивыми тенденциями. Уже в конце XX века в трудах отечественных историков этот период характеризуется определенным термином – кризис. Однако, необходимо заметить, что такая ситуация характерна и для мировой исторической науки. Связано это, как справедливо отметила Л.П.Репина, не только с накопившимися проблемами внутреннего развития мировой науки, но и с ломкой культурной парадигмы, которая вызвала пересмотр эпистемологических основ гуманитарного знания (1). Вполне очевидно, что события бурного века двадцатого радикально изменили мир, а также и положение исторической науки в системе духовных ценностей и ориентиров.

Кризисные явления назревали в отечественной историографии еще в 1960-е годы XX столетия, когда исторические исследования выходят на новый уровень и в конечном результате приходят к столкновению или в противоречие с истматовской теорией. Дискуссии шестидесятых годов позволили поднять на новый уровень обсуждение формационных проблем. Тем не менее, исследователи полагали, что их можно решить в рамках марксистского подхода, при условии преодоления его догматизма (2). Таким образом, если говорить о периоде 60-х годов как о начале кризиса, то справедливо назвать его концептуальным кризисом. Нас же в первую очередь интересуют явления более глубокие, которые связаны не столько с крахом традиционных концепций и оценок, а с процессом методологического перевооружения исторической науки. Таковые находят свое проявление в 80-е годы XX века и непосредственно связаны с эпохой «перестройки». В это время в советском обществе начинается пропаганда «общечеловеческих ценностей», а для советской исторической науки наступает время критики классового подхода, неизбежно переросшей в критику марксизма как такового. Можно долго размышлять обо всех негативных и позитивных явлениях явившихся следствием столь быстрого отказа от господствовавшей в исторической науке парадигмы. Важно отметить главное - современный кризис исторической науки связан, прежде всего, с пересмотром устаревшей теории – теории исторического материализма. Основными составляющими, которой являлись марксизм, позитивизм и гегельянство, связанные в одну целостную систему (3). Данная теория исходила из материалистического понимания истории,